

ЭТАП 1: ДИАГНОСТИКА И АНАЛИЗ

Тип сцены: Глава сочетает в себе меланхоличную рефлексию, ироничное взаимодействие (диалоги с Ян Цзянем и Симином) и загадочную встречу в финале.

Проблемные зоны:

1. Анатомические буквализмы: «сердце забилося», «лицо изменилось». Требуется переработка в физиологические реакции.
2. Синтаксис: В оригинале много коротких предложений в моментах описания мыслей. Нужно объединить их для плавности.
3. Эмоциональный тон: Важно сохранить баланс между скорбью Юй Цинъюня по Му Сибая и его неистребимым желанием «подставить» Симины.
4. Терминология: Использование «□□□» (Древо Бессмертия) и «□□□□» (полное уничтожение духа/сознания) требует высокого стиля.

—

ЧАСТЬ 2: ОБРАБОТКА ТЕКСТА

Глава 25. Очарование лисицы. Часть 22

На этот раз Юй Цинъюнь сразу понял — он снова во власти сна.

Перед глазами прокручивались события прошлого: первая встреча с Цзюдайхуа после его перерождения в пламени нирваны. Сон выдало появление того, кого там быть не могло — человека, чьё имя и образ были стерты из памяти. Однако в этом призрачном мареве Юй Цинъюнь отчетливо слышал его голос, полный горького упрека:

— Неужели ты и вправду вычеркнул прошлое из памяти без остатка?

Эта фраза вдребезги разбила видение. Цинъюнь проснулся в холодном поту. Он по привычке потянулся к краю кровати, но пальцы коснулись лишь пустоты. Острая вспышка одиночества заставила его замереть: подле него больше никого не было и не будет. Му Сибай мертв. Хотя с тех пор прошло немало времени, а дела Су Ицю и Цинхуань были окончательно улажены, в душе всё ещё шевелилась смутная тревога.

После того нападения человека в маске Цзюдайхуа, спасшая его, обронила фразу, над которой

Цинъинь ломал голову до сих пор:

«Кажется, в последнее время демоны совсем распоясались, и методы их становятся всё изощреннее».

Он пытался расспросить её, но та, словно и не раскрывала рта, молча обработала его раны и снова исчезла в тенях.

Один говорит загадками, другой ведет себя тише воды, ниже травы.

Когда Эрлан-чжэньцзюнь закончил схватку с Синтянем и поспешил в павильон Юйсюань, вид тяжелораненого Юй Цинъиня заставил его подавить клокочущую ярость. Ян Цзянь в тот миг так стремительно менялся в лице, что Цинъинь почувствовал, как сердце, в которое он едва успел вложить бобы тоски, заколотилось. «Только что смерти избежал, — подумал он, — а теперь, похоже, сложу голову от рук Небесного Судьи».

Приготовившись к худшему, он с видом великомученика ждал приговора, но Ян Цзянь, заговорив, лишь потребовал выдать преступницу:

— Передай мне ту змеиную бессмертную, что самовольно спустилась в мир смертных.

Голос небесного бога, как и положено, был полон ледяного величия и властной мощи.

Цинъинь и так собирался отдать ему Цинхуань. Скрыть одну — ещё куда ни шло, но двоих ему не потянуть; спасение жизни Цинси и так было пределом его возможностей. В деле же Цинхуань он, при всем желании, был бессилён помочь.

Заметив, что Ян Цзянь не стал преследовать его и Симина за позорное бегство, Цинъинь облегченно выдохнул и послушно повел бога к змее.

Однако Небесный Судья вовсе не собирался отпускать их так просто.

— Где сейчас Владыка Симин? — внезапно спросил он уже у самого порога павильона.

— А, это... ну, как бы вам сказать... — Цинъинь замялся.

В этот самый момент Симин, скорее всего, из кожи вон лез, пытаясь вернуть Юй Цинъиню живого Му Сибая, но признаться в этом Ян Цзяню было бы равносильно самоубийству. Исповедоваться Верховному Судье в том, что они вмешались в круг перерождений — значит самим вырыть себе могилу.

— Симин... он... прослышал, что вы, о Великий Эрлан, в последнее время сильно удручены делами Восьми Бессмертных. Его сердце облилось кровью от сочувствия, и он отправился на гору Шаоши — искать Древо Непечали Дицю!

Привычка подставлять Симины взяла верх. Циньинь произнес это с таким преувеличенным восторгом и трогательным выражением лица, что преданность Звездного Владыки выглядела почти святой.

Дерево Непечали, чьи плоды даруют забвение от всех тревог... Что может быть более заботливым подарком?

Ян Цзянь хранил молчание. Он смотрел на кривляющегося Циньиня с непроницаемым лицом — ни тени эмоции, ни малейшего проблеска сочувствия.

«И впрямь, каменное сердце, — подумал Циньинь. — Никакие речи его не проймут».

— Передай ему: как вернется на небеса, пусть немедля явится ко мне, — бросил Ян Цзянь.

Юй Циньинь мгновенно отбросил актерство и почтительно кивнул. Но стоило Небесному Судье скрыться из виду, как он ехидно ухмыльнулся.

В словах Ян Цзяня явно крылось нечто большее!

Потому Циньинь решил идти до конца: он не сказал Симины ни слова. Симин, чей «шестой смысл» после многочисленных проделок друга обострился до предела, по возвращении из города Фэнду сразу почувствовал неладное. Всю неделю его излюбленной фразой стал один и тот же вопрос:

— Слушай, когда Ян Цзянь забирал Циньиня, он точно не вел себя странно?

— Точно-точно, — небрежно отмахивался Циньинь.

Беспокойные расспросы Симины и нетерпеливое вранье Циньиня подошли к финалу в тот день, когда они отправились встречать Су Ицю, возвращавшегося на свою должность.

Циньинь вернул тому свиток с картиной. Глядя в спину уходящему чиновнику, он почувствовал, как с плеч свалился тяжкий груз. Потянувшись и разминая затекшие плечи, он весело бросил другу:

— Ну всё, Симин. Теперь мы с тобой можем выпить... и не возвращаться, пока...

— Боюсь, Юй-цзюнь, — голос Симины задрожал, а сам он помрачнел, словно человек, познавший тщету бытия, — что нам больше не суждено видеться.

— О-хо-хо, верно, верно! — Юй Цинъинь покосился на сурового черного бога, возникшего прямо за спиной Симины, и начал потихоньку пятиться. — Владыка Симин обременен государственными заботами, а я, невежа, смею его отвлекать. Позор мне, позор!

С этими словами он дал стрекача.

«Прости, Симин, не в моей это власти. Против такого хозяина я не пойду», — мысленно извинялся Цинъинь, бросая товарища на произвол судьбы.

Смертельно бледный Симин не смел даже обернуться. Холод, исходивший от Ян Цзяня, сковывал пространство, превращая воздух в лед. Бедняга оставил всякую надежду на спасение.

— Полагаю, тебе есть в чем исповедаться, — прозвучал над ухом голос Ян Цзяня, тяжелый, как удар молота. — И начнем мы с Юй Цинъиня.

***

После возвращения с небес Юй Цинъинь проводил дни в одиночестве в павильоне Юйсюань, залечивая раны. Ночные кошмары не отпускали, а в душе множились загадки, не имевшие ответов. Симины заграбастал Ян Цзянь — разгрести последствия самовольного спуска змеи в мир смертных, а Ли Е и вовсе пропал, наверняка умчавшись вслед за своим «предметом обожания». Цинъинь не хотел, чтобы Нехуан узнал о гибели Му Сибая, а потому отправил его вместе с Вэйяном к Божественному владыке Лингуану, вновь поручив присматривать за малюткой. Несмотря на натянутые отношения с Лингуаном, сейчас только он мог обеспечить безопасность ребенка.

Сделка с Цинхуань обернулась для Цинъиня полным провалом. Две едва полученные бобы тоски пришлось потратить на собственное спасение, вдобавок он нажил себе проблем с Небесным Судьей. При мысли о Му Сибая в глазах его темнело — казалось, он не оправится от этого удара и за десять лет. Но Юй Цинъинь не был бы собой, если бы вечно предавался унынию. Он всегда умел находить повод для радости в мелочах.

От скуки он решил прогуляться к берегу Изумрудного озера. В горах Цишань уже воцарилась зима, живность притихла, и в лесу стало непривычно спокойно. Он шел вдоль берега, глядя на озерную гладь и пытаясь по крупицам собрать в памяти обрывки собственного прошлого. Столько всего случилось... Глупо отрицать: его снедало любопытство. Но даже если в этих горах когда-то и произошло нечто важное — что с того? Цишань сегодня и Цишань сотни лет назад — два разных мира.

Ветер развеял пепел руин, цветы опали, и всё изменилось.

Прошлое не оставило и следа.

Он оторвал взгляд от горизонта и направился к бамбуковой роще у подножия горы. Ещё издали он почуял засаду, но, не ощутив жажды крови, решил не предпринимать резких движений — раны всё ещё давали о себе знать. Юй Цинъинь шел неспешно, делая вид, что ничего не замечает, и безмятежно углубился в рощу.

Наконец тот, кто скрывался за тонкими стеблями изумрудного бамбука, не выдержал и вышел из тени.

— Кто ты? — спросил Цинъинь.

Перед ним стоял человек с длинными каштановыми волосами в простом серо-зеленом одеянии. В его осанке было нечто от гибкой ивы, а в движениях — легкость вольного ветра.

— Ты не знаешь меня, но я знаю тебя, Юй Цинъинь. Пятый ученик, постигавший Путь под началом четырех Верховных богов Пустоши Куньлунь, — незнакомка почтительно сложила руки перед грудью и низко поклонилась. — Моё имя — Цин Муцзэ. У меня к тебе дело.

— Ты... — Цинъинь оглядел её с ног до головы, и недоумение на его лице сменилось искренним восторгом. — Древнее божественное древо, Древо Бессмертия?

Незнакомка на миг замерла, затем коротко подтвердила его догадку.

Плоды Древа Бессмертия из Пустоши Куньлунь даровали смертным вечную жизнь, но для богов и демонов были бесполезны. Цинъинь лишь однажды слышал о нём и теперь с живейшим интересом рассматривал человеческое воплощение легенды.

— И чем же я могу тебе помочь?

Любопытство пересилило осторожность. Эта «древесная сущность» была так милостива и светла — словно еще не распутившийся бутон — что Цинъинь невольно проникся к ней симпатией.

— Заключи со мной сделку.

Юй Цинъинь мгновенно перестал улыбаться. После истории с Цинхуань он зарекся связываться в подобные авантюры. Незнакомка, верно угадав его сомнения, поняла: без объяснений дело не сдвинется с мертвой точки.

— Полагаю, имя Яо Е тебе уже знакомо?

При упоминании этого имени Цин Муцзэ на мгновение замялась — слишком много тайн стояло за ним.

Всего два слова — и Юй Цинъинь почувствовал, как фантомная боль пронзила всё его тело. Это имя уже называл человек в маске, когда похищал бобы тоски: «Твой Яо Е скоро вернется».

Такую память невозможно вытравить из души.

— Яо Е — твой соученик. Девятихвостый лис, который вместе с тобой обучался в Пустоши Куньлунь.

— И с чего ты взял, что я тебе поверю? — спросил Цинъинь. Внешне он оставался невозмутим, но внутри всё клочкотало. Он обучался в Пустоши Куньлунь? У него были наставники и братья?

— Юй Цинъинь, — незнакомка произнесла его имя так, словно имела на это полное право. — Неужели ты и вправду всё забыл?

Этот вопрос эхом отозвался в его сознании, в точности повторяя слова из сна.

«Неужели ты и вправду вычеркнул прошлое из памяти без остатка?»

Они виделись впервые, но этот упрёк звучал так, будто пришел из самой глубины его забытой жизни.

Действительно ли он забыл?

Цинъинь и сам хотел бы знать: можно ли просто отбросить всё, что было до нирваны? Что произошло перед его смертью? Почему он переродился, лишившись памяти? И почему люди из прошлого один за другим находят его теперь, не желая оставлять в покое?

— Ну хорошо, — холодно бросил он. Пустота в том месте, где должны быть воспоминания, вызывала лишь глухое раздражение. — Рассказывай. Что же такое я должен помнить?

— Обиды и долги между тобой, Яо Е и тем Учителем еще не сведены.

Похоже, это были худшие новости из всех возможных. Смерть Юй Цинъиня не поставила точку в той истории? Неужели он воскрес только для того, чтобы раздать старые долги? Этот Яо Е и его наставник явно не собирались давать ему покоя даже в новой жизни.

— Пожалуй, это самая скверная весть за последнюю сотню лет, — горько усмехнулся Цинъинь. О спокойных днях можно было забыть. — Будь добра, просвети: когда же этот твой Яо Е

собирается вернуться?

Собеседница посмотрела на него с искренним недоумением:

— Вернуться?

Юй Цинъинь нахмурился. Что-то не так?

— Чтобы спасти тебя, Яо Е пожертвовал собой. Его дух и сознание были уничтожены полностью.

— Спас меня? Уничтожен полностью?.. — пробормотал Цинъинь.

Если Яо Е погиб ради него, что же тогда имел в виду человек в маске, обещая его возвращение? Возможно ли вернуться после полного уничтожения души? Или у девятихвостых лисов есть какая-то тайная сила? Или же ненависть Яо Е была столь велика, что не дала ему уйти окончательно? Юй Цинъинь никогда не питал иллюзий насчет своей порядочности в прошлом, но, похоже, прежний он не просто «совершал ошибки», а превратил свою жизнь в изощренный способ самоуничтожения.

Если нынешний Юй Цинъинь лишь влипал в неприятности, то прежний, судя по всему, играл со смертью в открытую...

— А теперь, — прервала его мысли Цин Муцзэ, — ты выслушаешь мою просьбу?

Стало ясно: всё, что рассказал дух Древа, было лишь ценой за согласие на сделку.

<http://bllate.org/book/17464/1696610>